

ИНСТИТУТ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
(ПУШКИНСКИЙ ДОМ) РАН

ЗАПАДНЫЙ СБОРНИК

В честь 80-летия
Петра Романовича Заборова

Издательство Пушкинского Дома

Санкт-Петербург, 2011

УДК 821.161.1
ББК 83.3(2Рос=Рус)1
3-30

Составители:

М. Э. Маликова, Д. В. Токарев

Редактор:

О. Э. Карнеева

ЗАПАДНЫЙ СБОРНИК
В честь 80-летия
Петра Романовича Заборова

9 785877 810105

ISBN 978-5-87781-010-5

© Авторы, 2011

© А. Балакин, фото, 2011

© А. Драгомощенко, оформление, 2011

Р. РОЛЛАН И А. РЕМИЗОВ: КНИГА В КОНТЕКСТЕ ВРЕМЕНИ

Роман А. М. Ремизова «Крестовые сестры» на французском языке был впервые опубликован в 1929 г. Книга «*Sœurs en croix*» вышла в свет в издательстве «Les éditions Rieder» (серия «*Les étrangers modernes*») 15 октября в количестве 1936 пронумерованных экземпляров. Автором перевода, а также вступительной статьи «*Alexei Rémiçov*»¹ был бельгийский поэт и писатель Робер Вивье (1894–1989). Спустя семнадцать лет, уже в послевоенной Франции, роман удостоился повторного издания. Под новым названием «*La maison Bourkov*» («Бурков дом»)²

¹ В статье, датированной маем 1929 г., автор «Крестовых сестер» был представлен как известный русский писатель, произведения которого уже печатались на французском языке в периодических изданиях «*Revue Européenne*», «*Revue de Genève*», «*Europe*», «*Flambeau*», «*Cahiers du Sud*».

² Возможно, новое название соотносилось с первым критическим анализом «Крестовых сестер» — статьей Иванова-Разумника «Бурков двор» (Русские ведомости. 1910. № 213, 17 сентября. С. 2–3). Критик прочитал роман еще в рукописи и даже рекомендовал писателю в письме от 22 августа 1910 г. изменить его название. Ср.: «Ваши “Крестовые сестры” все не идут у меня из головы — пришибли Вы меня ими; давно не приходилось читать ничего подобного. А вот только что пришло мне в голову: заглавие — “Кр<естовые> с<естры>” — хорошее и говорящее; но мне придумалось другое, которое дает повести обобщающий смысл: “Бурков двор” — как Вам покажется? Ведь Бурков двор — это не двор, это даже не Петербург, это чуть ли не вся Россия измученная, страдающая, пьющая настой на навозе и ищущая спасения в “Париже”» (Письма Р. В. Иванова-Разумника к А. М. Ремизову (1908–1944 гг.) / Публ. Е. Обатниной, В. Г. Белоса, Ж. Шерона; Вступ. заметка и коммент. Е. Обатниной, В. Г. Бе-

он был выпущен 28 февраля 1946 г. парижским издательством «Du Pavois» в серии «Bibliothèque Internationale». Оформление книги, несмотря на послевоенную инфляцию, отличалось библиофильским изыском: тридцать первых экземпляров были пронумерованы и отпечатаны на дорогой бумаге «bouffant». Новшеством в составе книги стала и вступительная заметка под необычным названием «Lettre-Préface» («Письмо-предисловие»), подписанная классиком национальной литературы Роменом Ролланом (1866–1944). Небольшой текст, наполненный глубокими литературными ассоциациями и мифологическими аллюзиями, в самом деле содержал традиционные признаки эпистолярного жанра — личное обращение к адресату и вежливую благодарность за присылку книги.

Историю «Письма-предисловия» проясняют документы из пражского архива художника Н. В. Зарецкого (1876–1959), приятеля Ремизова по Берлину начала 1920-х гг. и его многолетнего корреспондента. В 1933 г. Зарецкий развернул бурную деятельность по подготовке выставки «Рисунки русских писателей» в пражском Народном музее³. Ремизовскому графическому искусству в этой экспозиции был отведен большой раздел. Из Парижа в Прагу потянулся поток бандеролей с альбомами, рисунками, книгами и даже рукописями писателя. В одной из посылок находилось скопированное Ремизовым письмо Р. Роллана от 17 сентября 1932 г. «Прилагаю письмо Ромэна Роллана, — писал он Зарецкому, — м<ожет> б<ыть>, Вам пригодится»⁴. Копия содержала два дополнительных пояснения. В верхней части листа: «Romain Rolland о книге А. Remizov “Œuvres en

лоуса // Иванов-Разумник: Личность. Творчество. Роль в культуре. СПб., 1998. Вып. 2. С. 39).

³ Выставка экспонировалась в чешском Народном музее с декабря 1933-го по январь 1934 г.

⁴ Литературный архив Музея национальной литературы, Прага. Фонд Н. В. Зарецкого.

croix”. Les éditions Rieder, Paris, MСMXXIX» и в нижней части листа: «Письмо ни где не напечатано. Разрешение R<omain> R<olland> его напечатать в письме от 10 II 1931 А. Ремизову»⁵.

Ниже приводится текст письма Р. Роллана и русский перевод его содержательной части⁶:

«*Письмо Romain Rolland A. Ремизову*

Je vous remercie d’avoir bien voulu m’envoyer votre “Inferno” de la maison Bourkov.

— Oui, c’est ainsi que doivent chanter les âmes du cercle des damnés, sur qui pèsent les pieds des privilégiés. (Ramuz prétend que la sensation de les tenir sous leurs pieds est nécessaire au bonheur complet des âmes au paradis! C’est le sel qui assaisonne leur beurre rance de Dieu... Que la tartine reste dans le gosier!..) — Je ne sais pas si un tel désespoir de toute une classe sacrifiée est de tous les temps: (il est probable que ce désespoir revêtait d’autres formes.) Mais ce qui n’est que de notre temps, c’est la conscience qu’en a prise l’humanité, par les yeux et par la voix des grands visionnaires qui, comme vous, sont descendus dans l’Enfer. Et cette conscience mène aux Révolutions. En ce sens, Alexei Remizov, et quoi que vous pensiez de celle des douze dernières années, vous êtes un des hommes qui avez annoncé et préparé le tremblement de terre qui a jeté à bas la maison Bourkov de la vieille Russie. — Mais où sont, dans votre livre, les “maîtres d’œuvre” (au sens “gothique”: — les architectes) qui reconstruiront une maison meilleure? Marakouline ne le peut, ni aucun de ses compagnons de chiourme. C’est une nouvelle race d’hommes qu’il faudrait faire. Le vieil Adam est-il assez jeune encore pour planter dans le ventre d’Eve une graine drue, non mordue par le ver du péché originel et par la vermine des

⁵ Приписка о полученном разрешении опубликовать письмо позволяет заключить, что завязавшийся в 1929 г. обмен письмами был продолжен, по крайней мере, еще двумя встречными посланиями в 1931 г.

⁶ Выражаю сердечную благодарность за помощь в подготовке перевода проф. Ж.-Ф. Жаккару (Женева).

autres moisissures, ramassées au long des siècles?.. Qui sait?
Je lui crie: — “Vas-y, vieux père!”

— Il n'en coûte rien, d'essayer! — Rien de plus, en tout cas,
que d'attendre que la maison, ou lui, tombe — — —⁷

Romain Rolland

23. IX. 1929»

(Перевод:

«Я Вам благодарен за Вашу любезную присылку “Ин-
ферно” дома Буркова.

— Да, так должны петь души в круге проклятых под
тяжестью ног привилегированных. (Рамю полагает, что
это чувство — держать их под своими ногами — необхо-
димо для полного счастья душ, находящихся в раю! Это
соль, которой приправляется их масло, прогорклое Бо-
гом. Пусть бутерброд застрянет в глотке!..) — Я не знаю,
является ли подобное отчаяние принесенного в жертву
целого класса извечным: (возможно, отчаяние принимало
другие формы). Но что свойственно только нашему
времени, так это осознание этого человечеством, благо-
даря глазам и голосу великих визионеров, которые, по-
добно Вам, спустились в Ад. И это сознание ведет к Ре-
волюциям. В этом смысле, Алексей Ремизов, что бы Вы
ни думали о той революции последних двенадцати лет,
Вы являетесь одним из тех людей, которые предсказали
и подготовили землетрясение, сокрушившее Бурков
дом старой России. — Но где в Вашей книге “мастера”
(в смысле “готики”: — архитекторы), которые возведут
лучший дом? Маракулин это не в состоянии сделать, как
и никто другой из его товарищей по каторге. Именно но-
вую расу людей и надо бы сделать. Старый Адам, доста-

⁷ Последние тире, очевидно, привнесены самим Ремизовым,
для прозы которого такой утроенный знак является характерным
пунктуационным жестом. В издании 1946 г. финальные тире заме-
нены на многоточие, однако в тексте сохранены специфические
пунктуационные комбинации, объединяющие вопросительный
или восклицательный знак с многоточием.

точно ли в нем молодости, чтобы посадить в животе Евы семя здоровое, не снедаемое червем первородного греха и паразитами другой плесени, накопленной на протяжении веков... Кто знает? Я ему кричу: — “Давай, отче!”

— Что тебе стоит, попробуй! — Во всяком случае, это лучше, чем ожидать, что дом, или он сам падет — —»⁸)

⁸ В архиве Н. В. Зарецкого сохранилась машинопись с переводом письма, по-видимому выполненным или самим художником, или неизвестным лицом по его просьбе. Хотя данный подстрочник содержит многочисленные смысловые неточности, грамматические ошибки и небрежное воспроизведение авторских знаков препинания (например, тире перед прямой речью), он, несомненно, является важным звеном в истории «бытования» ремизовской копии. Публикация этого текста также способна выявить смысловые особенности оригинала, поэтому приводим его здесь полностью: «Ромен Роллан о книге А. Ремизова “Крестовые сестры” изд. Редь, Париж, 1929 г. // *Письмо Ромен Роллан А. Ремизову* / Я вам благодарен за вашу любезную присылку “Инферно” дома Буркова. / — Да, это то, как должны петь души в кругу осужденных, которые чувствуют тяжесть ног привилегированных. (Рамю полагает, что это чувство держать их под своими ногами необходимо для полного счастья душ, находящихся в раю! Это соль, которой приправляется их масло, прогорклое от Бога... Что их бутерброд застревает в глотке). — Я не знаю, если подобное отчаяние, изю всех классов приносящих жертвы, имелось когда-нибудь во все времена: (возможно, что отчаяние было бы облечено <так!> в другие одежды). Но что не свойственно нашему времени, это добросовестность быть человеческим глазами и голосом великого наблюдателя, который, подобно Вам, сошел в Ад. И эта добросовестность ведет неуклонно к Революциям. В этом смысле, Алексей Ремизов, и так как вы думали об этом двенадцать последних лет, вы один из людей, которые провозгласили и приготовили землетрясение, которые низвергли Бурков древней Руси дом. Но где в вашей книге художники (в смысле “готики”; — архитекторы), которые будут строить лучший дом? Маракулин это не в состоянии сделать, и никто другой из его товарищей. Это новая раса людей, которая это должна сделать. Старый Адам, достаточно ли он юн еще, чтобы вырастить в животе Евы зерно крепкое, снedaемое <так!> червем греха особого и паразитом другой плесени, собранной на протяжении веков. Кто знает? Я ему кричу: иди сюда, старый отче! Ничего не стоит попробовать! И ничего более, во всяком случае, как ожидать, что старый дом, или, он, падет. / 23. XI. 1929. / Ромен Рол-

* * *

Письмо Роллана было опубликовано в виде предисловия к изданию «Крестовых сестер» 1946 г. без датировки. Между тем, не зная истории происхождения и даты написания этого текста, едва ли можно понять, что его содержание отражает историко-литературную ситуацию конца 1920-х гг.

Как известно, Ремизов переехал в Париж из Берлина поздней осенью 1923 г. Спустя шесть лет он уже свел знакомство с французскими литераторами, группировавшимися вокруг журнала «Nouvelle Revue Française», однако, как и многие его соотечественники из некогда общего «литературного цеха», он тяжело переживал материальные и психологические трудности, связанные с адаптацией в чужой стране⁹. Выход романа «Крестовые сестры» на французском в 1929 г., несомненно, должен был способствовать не только популяризации творчества писателя среди французских читателей, но и расширению круга его связей в литературной среде Парижа¹⁰.

лан / Письмо нигде не напечатано, Разрешение Р. Р. его напечатать в письме от 10. II. 1931 А. Ремизову» (Литературный архив Музея национальной литературы, Прага. Фонд Н. В. Зарецкого).

⁹ О типичном для французов восприятии писателей-эмигрантов в 1920-е гг. свидетельствуют воспоминания А. Даманской. Ср.: «Что мог “гордый взор иноплеменный” разглядеть в таком вахлаке, как Шмелев, в сторбленном, близоруком, покашливающим, чудаковатом нарочитой чудаковатостью, скрывающей неугасимое горение духа — в этом “колдуне” А. М. Ремизове?» (*Даманская А. На экране моей памяти // Даманская А. На экране моей памяти. С. Таубе-Аничкова. Вечера поэтов в годы бедствий / Публ., подгот. текстов, вступ. ст. и коммент. О. Р. Демидовой. СПб., 2006. С. 241—242*). См. также: *Ливак Л. К изучению участия русской эмиграции в интеллектуальной и культурной жизни межвоенной Франции // Русские писатели в Париже: Взгляд на французскую литературу 1920—1940: Международная научная конференция. Женева. 8—10 декабря 2005 г. М., 2007. С. 201—214.*

¹⁰ Идея адресовать только что вышедшую книгу Р. Роллану, классику французского реализма, корреспонденту Л. Толстому и автору книги о нем, могла иметь для Ремизова еще один внутренний подтекст, связанный с послереволюционной Россией.

«Крестовые сестры» были вторым большим произведением Ремизова, изданным к этому времени по-французски. Двумя годами ранее в парижском издательстве «Librairie Plon-Nourit» в переводе Жана Фонтенуа вышла в свет повесть «В поле блакитном» («Sur champ d'azur») ¹¹. Между тем Ремизов отправил Роллану именно «Крестовых сестер» — свое раннее произведение, которое впервые увидело свет в Петербурге на страницах литературно-художественного альманаха «Шиповник» (кн. 13) в 1910 г. Впоследствии «Крестовые сестры» имели счастливую издательскую судьбу — не только в дореволюционной России, но и в эмигрантском Берлине, а также в переводах на иностранные языки ¹². К тому же именно с этим романом в творческой биографии писателя было связано несомненное признание его писательского таланта. Тем не менее «Крестовые сестры» в плане стилистических и языковых новаций являются произведением уникальным по сочетанию устных приемов речи, использованию народных, фольклорных образов, устаревших и диалектных словоформ. Стиль прозы Ремизова всегда был сложен для восприятия — даже в России, не говоря уже о зарубежном читателе ¹³.

В 1918—1919 гг. писатель, работая в театральной секции ТЕО Наркомпроса, написал рецензию на русский перевод пьесы Р. Роллана «Дантон» (1900), которая впоследствии вошла в состав книги «Крашенные рыла: Театр и книга» (Берлин, 1922. С. 76—78).

¹¹ Русское издание см.: *Ремизов А.* В поле блакитном. Берлин: Огоньки, 1922.

¹² Произведение, которое автор первоначально аттестовал как повесть, было включено в его собрание сочинений (Т. 5. СПб.: Шиповник, [1911]). В 1913-м переведено на немецкий и опубликовано отдельным изданием с предисловием Е. В. Аничкова (München; Leipzig: Georg Müller Verlag); в 1916 г. в Праге вышел чешский перевод. В 1918 г. повесть вновь была переиздана в московском книгоиздательстве «Универсальная библиотека», а в 1922-м вышло в свет новое издание в оформлении Н. Зарецкого (Берлин: Издательство З. И. Гржебина), где произведение впервые было названо романом. В 1924 г. роман был переведен на японский язык.

¹³ Проблема перевода своих произведений на английский и фран-

Самое начало письма Роллана содержит аллюзию к Дантовой «Божественной комедии». Определяя магистральную тему романа русского писателя как «Inferno», корреспондент Ремизова использует название первой части бессмертной поэмы, в основании которой лежит литературная интерпретация распространенного в раннехристианской западноевропейской традиции сюжета «о сошествии в Ад». Действительно, сюжетная ось «Крестовых сестер» опирается на традицию апокрифических сказаний, описывающих «хождение по мукам» Богородицы и других святых православного мартиролога¹⁴. Мотив «хождения по кругам Ада» приобретает в романе фольклорную интерпретацию в «видениях» «божественной Акумовны». Для главного героя — Петра Алексеевича Маракулина вратами в Ад становится его собственное новое мироощущение, возникшее после краха экзистенциальных основ: «И замкнулся в нем круг: знал он, что попусту думать, не надо думать, ничего не докажешь, и не мог не думать, не мог не доказывать — до боли думалось, мысли шли безостановочно, как в бреду»¹⁵. Инфернальные видения, посещающие Маракулина, напоминают полотна Иеронима Босха: «И ночью привиделось, будто лежит он на Бурковом дворе, но Бурков двор больше действительного <...>. И не один он лежал на дворе, с ним вместе лежали все жильцы и с парадного и черного конца дома, из флигеля и горбачевских углов. <...> Так лежали на Бурковом дворе, как на с м е р т н о м поле, но не кости, а живые люди, не сухие кости, живые люди,

цузский язык был предметом переписки Ремизова с корреспондентами. См.: «...С Вами беда — не перевести»: Письма Д. П. Святополк-Мирского к А. М. Ремизову. 1922—1929 / Публ. Р. Хьюза // Диаспора: Новые материалы. СПб., 2003. Вып. 5. С. 338—339.

¹⁴ О древнерусских источниках в романе см.: *Тырышкина Е. В.* «Крестовые сестры» А. М. Ремизова: Концепция и поэтика. Новосибирск, 1997. С. 76.

¹⁵ *Ремизов А. М.* Крестовые сестры // Ремизов А. М. Собр. соч.: В 10 т. М., 2001. Т. 4. С. 104.

у всех жило и билось сердце. И звери с людьми лежали...»¹⁶

Тонкий «музыкальный слух» Роллана уловил основной конструктивный принцип ремизовского произведения. Образ «поющих душ» не только свидетельствует о яркости эмоционального восприятия романа, но и совпадает с замыслом автора, сознательно организовавшего свой текст по аналогии с композицией симфонического произведения, в котором развитие основной темы происходит за счет разработки сливающихся в едином контрапункте лейтмотивов, использования рефренов и прочих значимых музыкальных элементов¹⁷.

К литературной интуиции Роллана следует отнести и упоминание в письме имени Шарля-Фердинана Рамю (Charles-Ferdinand Ramuz; 1878–1947). Во второй половине 1920-х гг. проза плодovitого франкоязычного писателя швейцарского происхождения, начинавшего свой творческий путь в Париже, оказалась в центре литературных дискуссий¹⁸. В представлениях Роллана художественная система и философская проблематика «Крестовых сестер» вошла в один сопоставительный ряд с творческими исканиями Рамю. Как и Ремизов, он разрабатывал тему несчастного героя, рефлектирующего над смыслом собственного бытия. Новые философские обертоны его проза приобрела на фоне нараставших в мире революционных настроений. Писатель явно не был сторонником преобразовательных идей, гораз-

¹⁶ Там же. С. 162–164.

¹⁷ Ср.: «Симфоническое построение новеллы. Я пользуюсь им в “Крестовых сестрах”, возвращающийся мотив, а главное музыкальное начало...» (*Кодрянская Н.* Алексей Ремизов. [Париж], 1959. С. 110. См. также: *Слобин Г.* Проза Ремизова 1900–1921. СПб., 1997. С. 111).

¹⁸ В 1926 г. журнал «Cahiers de la Quinzaine» выпустил специальный номер (Série 17, Cahier I), посвященный творчеству Ш. Ф. Рамю, под названием «За и против Рамю» («Pour et Contre Ramuz»). В этом номере отзывы на его произведения напечатали Р. Роллан, А. Барбюс, Г. Манн.

до более пристально изучая их оборотную сторону, связанную с насилием, распрей, войной и нравственными терзаниями человека. Художественный стиль Рамю (как и ремизовский) представлял собой сложный сплав новаторства и традиционализма: он экспериментировал со сказовой манерой повествования, широко используя прием смешения ирреального и реального¹⁹.

Письмо французского писателя дает возможность говорить не только о возникающих пересечениях, но и об очевидных несовпадениях двух типов художественного сознания, зафиксированных в отзыве Роллана и собственно романе Ремизова. Если у Ремизова мир погружен во власть дьявольского произвола — в самом его непредсказуемом модусе, именуемом «слепой случайностью» («Лихо-Одноглазое», «Горе-беда»), то Роллан отказывается обсуждать происхождение рока: его не устраивает сам жестокий порядок, разделяющий людей на «проклятых» каторжников и «привилегированных». Прилагая упрощенную, дихотомическую, социальную модель мироустройства к «Крестовым сестрам», Роллан, по существу, обходит стороной сложные нравственные коллизии этого произведения. Мораль, которую реализуют ремизовские герои, обусловлена первородным проклятием. Казалось бы, и французский писатель также называет «первородный» закон, согласно которому «сытые» вправе попирать ногами «проклятых», первопричиной мирового зла. Однако мысль Ремизова куда сложнее: Маракунин не просто осознал всю обреченность собственного бытия, но и находит в себе «право», чтобы «покориться в страхе и трепете». Жизнь осу-

¹⁹ Подробнее см.: *Большаков В. П.* Шарль-Фердинан Рамю // История швейцарской литературы. М., 2005. Т. 3. С. 236–264. Благодаря дружбе с русским композитором И. Стравинским Рамю познакомился и с русской фольклорной традицией: в 1918 г. они в соавторстве написали музыкальную драму «История солдата» («Histoire du Soldat»), в основу которой была положена русская народная сказка из собрания А. Н. Афанасьева.

ществуется как противостояние абсурду, вопреки всякой логике: «жить не для чего»: «не для чего, а будет жить — только в видеть, только слышать, только чувствовать»²⁰. Таков специфически русский инвариант народной веры — приятия двух «бездн»: с одной стороны, «обвиновать никого нельзя!», а с другой — нет и безгрешных.

Если в «Крестовых сестрах» и есть место революции, то она свершается не в сфере социальной жизни героев, а в сознании. Адские муки порождают тревожные сомнения: «А для чего прожить? И для чего терпеть, для чего забыть — забыть и терпеть?»²¹ Ад Маракулина в саморефлексии: он даже в простодушном гадании Акумовны обречен на «собственный свой разговор». Для Ремизова человек не в силах изменить божественный миропорядок, для Роллана — человек сам строитель собственной жизни. Для Ремизова — спасение человека в духовной вере, для Роллана — в разумной и самостоятельной деятельности.

Симпатизирующий русской революции французский писатель как будто усматривает в событиях ремизовского романа все предпосылки революционной ситуации, однако не находит в нем деятельного, положительного, героя. На самом деле Ремизов намеренно снижает любые признаки революционной патетики до скорбной иронии: когда переиначивает строчки «Марсельезы» применительно к характеристике героя, оказавшегося на обочине жизни («был он во всем, стал ни в чем»); или же когда он рисует революционные настроения в образах, более достойных сострадания, чем героизации. Таково мимолетное появление на страницах романа революционерки, на которую устроили облаву сыщики. Такова и генералыша Холмогорова — персонаж, представляющий в романе класс привилегированных. В конечном

²⁰ Ремизов А. М. Крестовые сестры. С. 110. Разрядка в тексте принадлежит автору.

²¹ Там же. С. 125.

счете, жертва революционного террора, она оказывается мученицей своего адавова круга.

В письме Роллана соединяются два аспекта понимания Революции: мифологический и конкретно-исторический, обращенный к русской революции 1917 г. Называя русского писателя предвестником Революции — одним из тех дерзающих, кто пробуждает сознание человечества, Роллан не скупится и на более патетические сравнения, возвышающие русского писателя до величия Данте, не устранившегося крутизны адавовых кругов. При этом он возлагает на Ремизова не только лавровый венок героя, но и всю тяжесть ответственности за исторические «землетрясения»: «...что бы Вы ни думали о той революции последних двенадцати лет, Вы являетесь одним из тех людей, которые предсказали и подготовили землетрясение, сокрушившее Бурков дом старой России».

Фигура речи («что бы Вы ни думали») имплицитно указывает на конфликтную ситуацию, которая сложилась между Р. Ролланом и русскими литераторами-эмигрантами в 1928 г. Поводом послужила публикация коллективного письма, подписанного «Группа русских писателей. Россия, май 1927». Адресованное «Писателям мира», оно было напечатано в ряде европейских газет, а также в русских газетах Парижа (Последние новости. 1927. № 2300, 10 июля; Возрождение. 1927. № 768, 10 июля). Анонимные авторы послания ставили своей целью привлечь внимание мировой общественности к происходящему в Советской России террору по отношению к творческой интеллигенции. Русские писатели-эмигранты (А. Куприн, И. Бунин, Б. Зайцев и др.) отреагировали на него целой серией собственных выступлений в течение октября—декабря 1927 г. на страницах газеты «L'Avenir». В то же самое время Р. Роллан, политические взгляды которого на события в Советской России давно находились под влиянием Максима Горько-

го²², опубликовал во французских и советских газетах свое «Приветствие к величайшей годовщине в истории народов»²³ по случаю десятилетия Октябрьской революции. В ответ 12 января 1928 г. в газете «L’Avenir» появилось открытое письмо К. Бальмонта и И. Бунина. Обращаясь к совести французского писателя, произведения которого они считали эталоном гуманистического искусства, русские писатели призывали его публично выступить с осуждением политики Советов по отношению к писателям России.

Возможно, и автор «Крестовых сестер» (который, кстати сказать, не участвовал в конфликте русских писателей с мэтром французской литературы), казался Роллану одним из тех типичных русских эмигрантов, кто навсегда отвернулся от новой России, живя идеалами до-революционного времени. Вот почему для французского писателя столь существенным был вопрос о «новом», созидающем человеке. Финальная «интермедия» письма к Ремизову, буквально разыгранная автором в стилистике народного театра, повествует о сотворении человека, не знающего страданий. Этот пассаж практически не связан с содержанием романа. Эксцентричное обращение к прародителю человечества — сотворить потомство с новой судьбой, среди которого не будет ни капиталистов, ни привилегированных, — несомненно, навеяно идеологемами новой России, строящей социализм.

Идея начать человеческую судьбу с чистого листа произрастает из установок коммунистической утопии. Между тем главный герой «Крестовых сестер» Маракулин также проигрывает в своем обезумевшем от душев-

²² Обстоятельства истории и тексты печатных выступлений см.: *Берберова Н.* Курсив мой: Автобиография. М., 1996. С. 272–278; *Архив А. М. Горького*. М., 1995. Т. 15: М. Горький и Р. Роллан: Переписка (1916–1936). С. 144–160; *Марченко Т.* Русские писатели и Нобелевская премия (1901–1955). Köln; München, 2007. С. 224–226.

²³ См.: *Роллан Р.* Собр. соч.: В 14 т. М., 1958. Т. 13. С. 152–153.

ных потрясений сознанию утопическую картину мира, где каждый начнет новую жизнь: «беспечальную, безгрешную, бессмертную». И для него этот воображаемый «рай» на земле мгновенно трансформируется в очередной адский круг, мучения в котором унизительнее любого реального страдания: там все будут настолько «сыты», что «у каждого на шее забренчит коровий колокольчик»²⁴. Разумеется, ремизовская мысль о человеке, страдающем и возвышающемся в своем страдании над жалким существованием до высот познания Бытия, не вписывалась в роллановскую концепцию «мастера», возводящего на руинах новый мир²⁵.

Когда в 1910 г. «Крестовые сестры» впервые появились в печати, ближайший друг Ремизова — Лев Шестов, поздравляя писателя с творческим успехом, высказал и ряд критических соображений. Как и Роллан, он высоко оценил философскую составляющую ремизовского произведения. Однако ему показалось неуместным соединение темы, выстраивающей перспективу вечности, с проблемами социальной несправедливости конкретного исторического момента. Указывая на упрощенный образ генеральши Холмогоровой, Шестов писал: «...большой публике генеральша, вероятно, понравится. Поймут, как протест против паразитизма высших классов общества. И, собственно говоря, я против такого протеста ничего не имею — мне кажется только, что именно в “Крестовых Сестрах” он неуместен. Ведь задумана-то повесть *Sub specie aeternitatis*, а тут генеральша, даже если бы ее вдвое от здоровья распирало бы, такое же слабое и немощное существо, как и все попираемые <...>. А то генеральша у тебя вроде предохранительного клапана, чтобы взрыву не было. Как же, чтобы не было взрыву, когда вся-то вещь для взрыва написа-

²⁴ Ремизов А. М. Крестовые сестры. С. 136–137.

²⁵ Полемика с Р. Ролланом нашла отражение в новелле «Свидетельство о бедности» (1934). См.: Ремизов А. М. Учитель музыки // Ремизов А. М. Собр. соч. Т. 9. С. 320–332.

на? Генеральша делает “Кр<естовых> Сест<ер>” понятными, а разве они должны быть понятными? <...> Ибо, как ты говоришь, здесь всегда жизнь наряду со смертью. Другой не разберет может, что я говорю — но тебе объяснить, верно, больше не нужно»²⁶.

Шестовский отзыв наглядно демонстрирует различие в масштабах онтологических критериев у французского писателя и русского мыслителя. Когда Роллан писал о неотвратимом падении «старой России», он, вероятно даже не подозревал, что посягает на сокровенную идею автора «Крестовых сестер», для которого понятие «Русь-Святорусская» — «святая Русь», сохранившееся в сказаниях, апокрифах, легендах о подвижниках и мучениках за веру, противостояло в романе абсурдному миру начала XX в. с его действительно «новым» героем, обреченным на гибель в лишенном смысла потоке жизни. Конкретика современности исключает для Р. Роллана «вечные», экзистенциальные вопросы и сомнения. Он говорит исключительно о социальном бытии раздираемого противоречиями человечества. Л. Шестов имеет в виду индивидуальное «я» человека. «Чувство абсурда», которым наполнен роман, является для него продуктивной силой, продвигающей человека к познанию смысла собственного существования. И в этом плане Шестов намного ближе к адекватному прочтению ремизовского романа о герое, ищущем, но так и не находящем Бога в своей душе.

«Крестовые сестры», по существу, остались так и не понятыми Ролланом, или, вернее, французский писатель прочел роман с точки зрения собственных взглядов на конкретный период мировой истории. Что же касается отношения к этому отзыву Ремизова, то, возможно, содержательная сторона письма отступила на второй план перед эмблематичностью имени классика французской литературы. Между тем публикация

²⁶ Переписка Л. И. Шестова с А. М. Ремизовым / Вступ. заметка, подгот. текста и примеч. И. Ф. Даниловой и А. А. Данилевского // Русская литература. 1992. № 4. С. 93–94.

«Lettre-Préface» в 1946 г. могла иметь отношение и к личной биографии Ремизова. Обстоятельства времени и места нередко оказываются решающими в ходе событий отдельной человеческой судьбы или писательской творческой биографии. Послевоенная Франция была охвачена прокоммунистическими настроениями и с восторгом обращалась в сторону Советского Союза. В стране победившего социализма имя Р. Роллана уже давно вошло в пантеон неоспоримых литературных авторитетов. По окончании войны Ремизов обдумывал возможности возвращения на родину в надежде встретиться там с дочерью Натальей. По-видимому, именно эти мечты подвигли его принять предлагаемый советским правительством паспорт гражданина СССР. Поступок, называвшийся «взять советский паспорт»²⁷, по самой законичности действия имел судьбоносное значение. К аналогичному решению склонились многие его соотечественники, руководствуясь неугасающим чувством тоски по родине. Для Ремизова возвращение в Россию, где он числился по реестру «писателей-белоэмигрантов», было небезопасным. Возможно, тогда и возникло naive предположение, что публикация «Письма» Роллана во французском издании «Крестовых сестер», в котором Ремизов был фактически назван провозвестником Революции, могло послужить своего рода «охранной грамотой». Пришедшее в том же году известие о смерти дочери разрушило эти планы.

²⁷ См.: *Резникова Н.* Огненная память: Воспоминания о Алексее Ремизове. Berkeley, 1980. С. 57. Подробнее об обстоятельствах объявленной советским правительством по окончании Второй мировой войны амнистии для русских эмигрантов с последующим за этим разрешением обменять нансеновские паспорта на советские и вернуться на родину см.: *Даманская А.* На экране моей памяти. С. 320–324. Мемуарная литература сохранила также рассказ о визите Ремизова в советское посольство в Париже и его беседе с полпредом А. Е. Богомоловым. См.: *Седых А.* Далекое, близкое. New-York, 1979. С. 114–115.